

В. В. ЩЕГЛОВ

ПРОРЕКТОР ПО УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ ЮЖНО-САХАЛИНСКОГО ИНСТИТУТА ИНФОРМАТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА, КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ

ТЕРМИН «ТЕРРИОРИАЛЬНАЯ АБСОРБЦИЯ» В ЕГО ПРИЛОЖЕНИИ К ПОСЛЕВОЕННОЙ САХАЛИНСКОЙ ИСТОРИИ

На протяжении прошедших полутора веков Сахалин и Курильские острова имеют историю, крайне плотно насыщенную событиями, связанными с проблемами международных отношений. Эти территории не раз были предметом негосударства между Россией и Японией. Так было после заключения Санкт-Петербургского российско-японского договора в 1875 году, согласно которому российская часть Курильских островов стала японской в обмен на обретение Россией всех прав в отношении Сахалина. В 1905 году, на основании Портсмутского договора, южная часть русского Сахалина была передана Японии. Наконец, после окончания Второй мировой войны 1939–1945 годов японские территории Карагуто (Южный Сахалин) и Тисима (Курильские острова) отошли к СССР. Таким образом, в течение всего 70 лет территориальная принадлежность Сахалина и Курил изменялась трижды, причем дважды – по итогам войн.

Однако захват или присоединение территории на основании договоров вовсе не означает, что эти земли сразу обретают вполне легитимную принадлежность к своей новой метрополии. Присоединенная территория, как правило, содержит много чуждых для нового хозяина элементов, что едва ли до окончания определенного периода она представляется неотъемлемой частью. Здесь уместно провести аналогию с приобретением земельного участка, пусть даже и обработанного, который потребует от владельца больших материальных затрат и труда. Без этого факт обретения земли является лишь фактом юридическим. Сам хозяин еще долго не будет воспринимать его как свою собственность, до тех пор, пока не переделает приобретение в соответствии с собственными представлениями о ведении на нем хозяйства, не посадит свои деревья, не получит свой первый урожай. Но на это требуется время.

Сами по себе вышеперечисленные события не являются чем-либо из ряда военных выходящих. Если признать правильным утверждение о том, что мировая история – это история войн, то, как правило, в результате войны какая-то сторона теряла территории, какая-то их приобретала. В современной Европе, казалось бы, территориальные проблемы раз и навсегда разрешены Заключительным актом Общеевропейского совещания. В августе 1975 года этот документ, зафиксировавший принципы нерушимости границ, уважения независимости и суверенитета, территориальной целостности государств, отказа от применения силы или угрозы ее применения, невмешательства во внутренние дела друг друга, подписали 33 государства. Вместе с тем вышеупомянутый договор так и не стал преградой на пути территориальных споров и даже войн на рубеже XX–XXI столетий. И какими бы международными актами ни декларировалась сегодня нерушимость границ, современное состояние международных отношений полно примеров изменения

государственных границ. Достаточно вспомнить распад СССР или Югославии, разделение Чехословакии на два государства, выделение из состава Эфиопии мятежной Эритреи, самопровозглашение независимости Косово, признание Российской независимости Южной Осетии и Абхазии и т. п.

Помимо этого, в международных отношениях существует проблема территориальных притязаний одной страны к другой. Среди таковых наиболее сложными являются территориальные споры между Индией и Пакистаном, Китаем и Индией, Россией и Японией. Имеется целый ряд территориальных разногласий между странами Африки и Латинской Америки.

Для относительно небольшой территории в масштабах Российской Федерации, какой представляется Сахалинская область, изменения государственной принадлежности приводили к значительным трансформациям развития. Неслучайно проблематика, связанная с этими изменениями, представляется актуальной не только для профессиональных историков, дипломатов, общественных деятелей, но и для общества в целом.

Территориально-государственные метаморфозы, происходившие с островами, имеют вполне достаточное освещение в региональной историографии. В частности, в июне 2005 года, в рамках празднования юбилея окончания Второй мировой войны, состоялась научно-практическая конференция «Сахалин и Курилы в войнах XX века», на которой были представлены доклады, так или иначе затрагивающие тему потери Россией южной части Сахалина. Так, подробный анализ новейшей историографии этого вопроса содержится в докладе доктора исторических наук, профессора Д. Павлова¹.

Наибольший интерес исследователей вызывает изменение государственной принадлежности островной территории по итогам Второй мировой войны. И это понятно, учитывая имеющиеся претензии Японии к России по вопросу о легальности и легитимности владения так называемыми «северными территориями». В рамках настоящего доклада есть смысл остановиться на краткой характеристике постсоветской историографии вопроса, которая весьма обширна.

В 1997 году Государственный архив Сахалинской области (ГАСО) опубликовал ежегодник «Исторические чтения», в котором имеется целый ряд статей и мемуаров, посвященных различным аспектам событий 1945–1947 годов. Оценка действий Советского государства по присоединению территорий рассматривается в них однозначно положительно². Различные точки зрения довольно полно представлены в сборнике «Курилы – острова в океане проблем», вышедшем в 1998 году в издательстве «Российская политическая энциклопедия». В 2001 году вопрос рассматривался в Южно-Сахалинске на парламентских слушаниях с участием депутатов Государственной Думы, членов Совета Федерации, исполнительных органов власти, ведущих ученых-историков, политологов и др.³. В течение 17 лет своего существования журнал «Краеведческий бюллетень» неоднократно публиковал статьи, архивные документы, материалы мемуарного характера по широкому кругу вопросов в этом же направлении.

Следует сказать, что подавляющее большинство исследований по данной тематике рассматривает ее поаспектно, не претендую на целостность подхода. К примеру, изучение публикаций, касающихся возвращения южной части Сахалина и овладения Курильскими островами после окончания Второй мировой войны, показывает, что довольно хорошо разработана военная история. Анализ обширной историографии по данному вопросу был дан известным сахалинским ученым-историком доктором исторических наук, профессором М. С. Высоковым в докладе «История Сахалина и Курильских островов в годы Второй мировой войны»

в отечественной историографии⁴. Имеется целый ряд публикаций сахалинского краеведа Е. И. Савельевой, освещающих историю деятельности военных властей по управлению гражданскими делами на юге Сахалина и Курильских островах в 1945–1947 годах. В работах Н. И. Колесникова достаточно глубоко исследованы проблемы формирования партийно-государственных органов, социальных институтов в послевоенный период⁵.

Переселенческий аспект проблемы является одним из самых исследованных. В частности, данный вопрос нашел свое отражение в трудах ГАСО, Сахалинского областного краеведческого музея, в работах профессиональных историков⁶, экономистов⁷ и краеведов⁸. Автором была подготовлена и опубликована монография «Население Сахалинской области в XX веке», в которой, в числе прочих вопросов исследования истории формирования населения, предпринята попытка исследовать переселенческий аспект развития Сахалинской области в послевоенный период с учетом большинства имевших место факторов влияния⁹.

Тема репатриации японского населения находится в самой начальной стадии разработки. Имеющиеся публикации страдают ярко выраженной однобокостью, связанной с тем, что в них практически не обнаруживается использование авторами японских и американских архивных документов и других источников. В этой связи следует выразить признательность депутату Сахалинской областной Думы С. А. Пономареву за введение в научный оборот документов генштаба США, касающихся репатриации¹⁰. В свою очередь, мнение японских исследователей по вопросам репатриации совершенно недостаточно представлено в отечественной печати.

Механизмы экономических трансформаций, связанных с имевшим место на островах уникальным историческим экспериментом – переходом японской рыночной экономики островов в систему государственно-плановой экономики СССР, исследованы частично. Достаточно полно изучены трудности этого процесса, но отсутствует детальный анализ методов их преодоления. К примеру, в феврале–марте 1946 года была проведена полная национализация всего хозяйства, «причем без нарушения нормальной производственной деятельности», – по утверждению главы Управления по гражданским делам Д. Н. Крюкова.¹¹ Если это так, то возникает вопрос: как формировался механизм межкультурной коммуникации в условиях, когда поставленные на руководство предприятиями советские граждане в подавляющем большинстве не владели японским языком, а работающие на предприятиях японцы – русским? Или, к примеру: как осуществлялся перевод бумажных комбинатов на производство бумаги по советским стандартам?

На региональной научно-практической конференции «Сахалин и Курилы: история и современность», состоявшейся 27–28 марта 2007 года в рамках юбилейных мероприятий, посвященных 60-летию образования Сахалинской области, рядом докладчиков были сделаны попытки ответить на эти вопросы. Так, в докладах Е. И. Савельевой, Л. А. Слабиной, А. М. Пашкова, Пак Сын Ы, М. В. Тетюевой¹² традиционная проблематика исследований эволюционирует в сторону так называемой «реальной истории», тяготеющей к исследованию человеческого фактора.

Вместе с тем при анализе литературы, касающейся послевоенного периода, обнаруживается наличие концептуальных проблем, среди которых в первую очередь следует выделить неопределенность хронологических рамок. Если период военных операций, сроки проводимой национализации, переселенческих мероприятий, этапы репатриации японских граждан достаточно четко обозначены, то вопрос о том, когда же Советский Союз овладел завоеванными территориями настолько, что они стали бы рассматриваться обществом как неотъемлемая часть страны, а не как захват, на наш взгляд, остается открытым до сих пор.

В частности, в новейшем учебном пособии «История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия», изданном в 2008 году в Сахалинском книжном издательстве, утверждается, что «объединение в единое жизненное пространство южной и северной частей Сахалина, сорок лет развивавшихся в условиях разных социально-экономических систем, породило немало проблем переходного периода, продолжавшегося около полутора лет»¹³ (август 1945-го – январь 1947 года. – В. Щ.). Опустим, как непринципиальное, оставление вне рамок объединения территории Курильских островов, зададимся, тем не менее, вопросом: не слишком ли коротким является переходный период в такой трактовке? На наш взгляд, едва ли он был завершен формальным образованием Сахалинской области 2 января 1947 года. Вопрос о местонахождении областного центра был решен только в апреле 1947 года. Переименование населенных пунктов произошло в октябре того же года. В свою очередь, такое важнейшее мероприятие переходного периода, как депатриация основной массы японских подданных, было завершено к лету 1948 года. Таким образом, привязываясь к формальным датам, довольно трудно судить о том, когда же окончательно сформировалось единое жизненное пространство на островах и было ли это пространство адекватно общероссийскому.

Помимо этого, имеется дефицит терминов, позволяющих судить о полноте процесса. Из документов Ялтинской конференции в научный оборот введены «возвращение», касающееся южной части Сахалина, и «передача» – для Курильских островов. Однако оба этих термина, по нашему мнению, актуальны лишь для обоснования факта изъятия этих территорий из-под юрисдикции Японии и установления на них формального контроля СССР и в большей степени указывают на одномоментный политический акт, а не на процесс реального овладения территориями.

Мы предлагаем введение в научный оборот термина «территориальная абсорбция». Во избежание разночтений следует сначала попытаться дать ему определение, а затем исследовать его концепт.

Термин «абсорбция» относится к многозначным и используется как в естественных, так и в социальных науках. В частности, абсорбция как термин в физике и химии применяется для описания различных случаев поглощения одного вещества другим. В экономических дисциплинах – это поглощение одной предпринимательской структурой другой (в случае, когда одна из них – более крупная) для создания единой компании. В социально-политической практике абсорбция – включение иммигрантов, лиц, прибывших из других стран на постоянное местожительство в данную страну, в экономическую жизнь этой страны. В вышеперечисленных определениях наиболее генерализованным содержанием термина является «поглощение» одного (малого) другим (большим)¹⁴.

Мы находим, что данный термин подходит для характеристики послевоенной сахалинско-курильской истории. Очевидно, что после окончания Второй мировой войны Советский Союз (большое) включил в состав своей территории (поглотил) часть Японской империи (малое). В результате после достаточно продолжительных, трудоемких и затратных мероприятий, проводимых органами советской власти, малое (Южный Сахалин и Курилы) оказалось абсорбированным настолько, что по подавляющему большинству экономических, социальных, демографических и других признаков стало неразделимым целым с большим – Россией.

Однако требует доказательства аппликативная оправданность для исторического исследования не просто термина «абсорбция», а именно «территориальная абсорбция». На первый взгляд, мы сужаем таким образом объем нашего термина. И это действительно так. Этим мы выделяем его из общего класса явлений, характе-

ризующихся понятием «абсорбция», и придаем ему самостоятельную функциональность в ряду политических и исторических понятий, оставив в стороне его применение в естественных науках.

Актуальность именно такой конструкции обосновывается самой спецификой процесса, для описания которого мы намереваемся его использовать. После окончания боевых действий советские войска заняли часть территории, принадлежащей враждебному государству. При этом решения Крымской конференции (февраль 1945 г.) однозначно толковались советским руководством как основание превратить Южный Сахалин и Курильские острова в собственную территорию. Вариант их возврата Японии не рассматривался. А если так, то необходимость абсорбцииобретенных территорий как средства легитимации обладания ими становится важнейшей частью внешней и внутренней политики СССР на Дальнем Востоке.

Предвосхищая критику по поводу корректности формулировки «территориальная абсорбция» в части самой возможности абсорбировать географический объект, хотелось бы заявить, что такая возможность не только имеется, но она часто является необходимостью. Ярким примером абсорбционных мероприятий на географических объектах являются их переименования, цель у которых по большому счету одна – закрепить сам факт государственного присутствия на этом объекте. Помимо этого, мы не рассматриваем неосвоенные территории. Было бы научно обоснованным применять термин к изучению процессов на территориях, так или иначе освоенных какой-либо страной или государством, но впоследствии перешедших под юрисдикцию другого.

Уяснив корректность использования термина «территориальная абсорбция» в историко-политическом исследовании, необходимо реконструировать его концепт. По вопросу определения термина «концепт» нет единого мнения. В различных областях научного познания он трактуется по-разному. Имеется несколько десятков определений этого термина¹⁵. Не вдаваясь в лингвистические нюансы дискуссии, заметим, что в русском языке до начала 70-х годов XX столетия *концепт* употребляется как синоним *понятия*. Однако в дальнейшем происходит расширение его использования в гуманитарных науках в ином значении.

По мнению известного лингвиста В. З. Демьянкова, разграничение проходит по следующей линии: понятия – то, о чем люди договариваются, их люди конструируют для того, чтобы «иметь общий язык» при обсуждении проблем; концепты же существуют сами по себе, их люди реконструируют с той или иной степенью (не)уверенности¹⁶. Когнитивисты концептами называют элементарные единицы результата понимания, которые сами могут задавать программу для дальнейших действий воспринимающего человека¹⁷.

Исходя из данной интерпретации термина *концепт*, мы имеем возможность приступить к реконструкции, то есть попытаться найти те элементарные частицы, которые позволяют нам в той или иной степени понять содержание термина *территориальная абсорбция*.

Нам представляется, что по отношению к факту включения Южного Сахалина и Курильских островов в состав СССР такая интерпретация позволяет выделить следующие единицы.

Наличие минимально необходимых исторических, политико-правовых обоснований претензий на какую-либо территорию. В нашем случае таковыми являются факт потери Южного Сахалина в результате русско-японской войны 1904–1905 годов и решения Ялтинской конференции 1945 года. Если такие основания отсутствуют, занятие чужой территории приобретает форму аннексии.

Военные действия, в результате которых устанавливается военный контроль над захваченной территорией. Здесь также возможен вариант занятия без боевых столкновений, как это было в случае с центральными и южными Курильскими островами. Эти события произошли в период с 9 августа по 3 сентября 1945 года.

Оккупация – с момента занятия территории до момента образования Южно-Сахалинской области 2 февраля 1946 года, а фактически до образования органов советской власти на занятой территории. Можно предположить, что оккупационный режим в некоторых своих проявлениях просуществовал до момента ликвидации Управления по гражданским делам, до 31 марта 1947 года. Однако такая датировка нуждается в научном обсуждении.

Инкорпорация¹⁸ – сложный, многоуровневый процесс, направленный:

- на ликвидацию основных признаков господства Японской империи на островах;
- на адаптацию имеющихся на завоеванной территории отраслей экономики, социально-культурной инфраструктуры (в той их части, которая способна быть адаптированной) к советской социально-экономической системе;
- на формирование социально-экономических институтов, не существовавших до февраля 1946 года на Южном Сахалине и Курильских островах.

Сложность исследования инкорпорации как процесса заключается в его нечеткой периодизации. Мы не можем сказать, что с окончанием оккупации сразу начинается инкорпорационный период. Часть мероприятий по инкорпорации начиналась еще в период оккупации. В частности, подготовка к национализации экономики началась практически сразу же после окончания военных действий. В свою очередь, часть мероприятий завершилась на этапе интеграции. К таким можно отнести второй и третий этапы репатриации японских подданных.

Интеграция¹⁹ – самый длительный по времени процесс. В его рамках происходит не формальное, а реальное формирование неразрывных связей островной экономики, социокультурной среды, ментальности островитян с «материком».

Таким образом, интерпретируя смысловые единицы – концепты – термина «территориальная абсорбция», мы приходим к выводу о необходимости постановки таких вопросов:

– В какой период отвоеванные у японцев в 1945 году Южный Сахалин и Курильские острова оказались абсорбированными настолько, что, помимо закрепления данного факта в Конституции страны, стали восприниматься в первую очередь островитянами как неотъемлемая часть Россия, а не как бывшая японская земля?

– Насколько изжита психология «временщика», широко распространенная на этапе инкорпорации и начального периода интеграции?

– Является ли общественное сознание сахалинцев и курильчан устойчивым к стремлению японской стороны вернуть так называемые «северные территории»?

На наш взгляд, поставленные вопросы формируют научную проблему, требующую комплексных усилий историков, политологов, социологов и специалистов в области социальной психологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Павлов Д. Новейшая российская историография и археография русско-японской войны 1904–1905 гг. // Сахалин и Курилы в войнах XX века. Материалы научной конференции (7–10 июня 2005 г.). Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2005. С. 9–19.

2. Южный Сахалин и Курильские острова в 1945-1947 гг. // Исторические чтения. Труды Государственного архива Сахалинской области. 1997. № 2.
3. Советско-японская декларация 1956 г. и проблемы национальной безопасности. Материалы парламентских слушаний 12-13 сентября 2001 года // Ведомости Сахалинской областной Думы. 2001. № 13.
4. Высоков М. С. История Сахалина и Курильских островов в годы Второй мировой войны в отечественной историографии // Сахалин и Курилы в войнах XX века. Материалы научной конференции (7-10 июня 2005 г.). Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2005. С. 19-29.
5. Колесников Н. И. Они правили областью. Южно-Сахалинск, 1995; Он же: Время и власть (руководители Сахалинской области советского периода). Южно-Сахалинск, 2001.
6. Колесников Н. И. История освоения и развития Сахалинской области в 1945-1991 гг. // Славяне на Дальнем Востоке: проблемы истории и культуры. Доклады и сообщения научной конференции. 7-8 октября 1993 года. Южно-Сахалинск: Сахалинский центр документации новейшей истории, 1994. С. 129-140.
7. Рыбаковский А. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990.
8. Гапоненко К. Е. Вслед за ушедшими днем. очерки о сахалинских переселенцах. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 1998.
9. Щеглов В. В. Население Сахалинской области в XX веке. Южно-Сахалинск: изд-во ЮСИЭПиИ, 2002.
10. Пономарев С. А. Политико-правовые вопросы образования Сахалинской области // Сахалин и Курилы: история и современность. Материалы региональной научно-практической конференции (27-28 марта 2007 г.). Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2008. С. 59-65.
11. Крюков Д. Н. Гражданское управление на Южном Сахалине и Курильских островах в 1945-1948 гг. // Краеведческий бюллетень. 1993. № 3. С. 12.
12. Савельева Е. И. Сахалинская культура в начале нового пути (вторая половина 1940-х-1950-е годы) // Сахалин и Курилы: история и современность. Материалы региональной научно-практической конференции (27-28 марта 2007 г.). Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2008; Слабнина А. А. Реалии по-вседневности послевоенного времени: 1946-1950-е годы // Там же; Пашков А. М. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории Сахалинской области // Там же; Пак Сын Б. Проблемы депатриации сахалинских корейцев на историческую родину // Там же; Тетюева М. В. Развитие угольной промышленности на Сахалине в середине 40-х – начале 50-х годов // Там же.
13. История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия / М. С. Высоков, А. А. Василевский, А. И. Костанов, М. И. Ищенко; Отв. ред. М. С. Высоков. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 2008. С. 454.
14. Словари и энциклопедии на Академике. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/business/30>.
15. Солдатова М. А. Понятие лингвокультурного концепта в лингвистических исследованиях // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11-13 декабря 2003 г.): Труды и материалы: В 2 т. / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. Т. 2. С. 110-112.
16. Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы философии. 2001. № 1. С. 46.
17. Арутюнова Н. Д. Практическое рассуждение и язык // Сущность, развитие и функции языка. М., 1987. С. 8.
18. Инкорпорация (от лат. *incorporato* – присоединение) – включение в свой состав других организаций // Райзберг Б. А., Лозовский А. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М.: Инфра-М, 2000. С. 155.
19. Интеграция (от лат. *integratio* – восстановление, восполнение) – объединение в целое каких-либо частей, элементов // Малый экономический словарь / Под. ред. А. Н. Азрилияна. М.: Институт новой экономики, 2000. С. 283.